

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 214–229.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 214–229.

Архивная публикация / Archived Publication

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-214-229

Н. А. БЕРДЯЕВ ВЫСТУПЛЕНИЕ О ВОЙНЕ

Анна Федоровна Макарова

Институт философии Российской академии наук,

Москва, Россия, anna.fed.mak@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-5698-5836>

Ссылка для цитирования: Бердяев Н. А. Выступление о войне / пер. с фр., примеч. А. Ф. Макаровой // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 214–229. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-214-229.

Archival Materials. Unpublished Papers

N. A. BERDYAEV

SPEECH ON THE WAR

Anna F. Makarova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia, anna.fed.mak@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-5698-5836>

For citation: Berdyayev, N. A. (2023) “Speech on the War”. Transl. from the French, notes by Anna F. Makarova, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 214–229. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-214-229.

Материал публикуется в качестве приложения к статье Макарова А. Ф. «Выступление о войне» Н. А. Бердяева 1940 года // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 206–213. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-206-213. Перевод сделан по архивному материалу, хранящемуся в: РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 101.

© Макарова А. Ф., перевод на русский язык, примечания, 2023

Стенограмма. На французском языке
Воскресенье, 3 марта 1940 года

Выступление г-на Бердяева:

Я должен начать с того, что есть небольшая группа интеллектуалов, у которых возникла идея проводить время от времени встречи французских, русских, немецких, испанских и других интеллектуалов для обсуждения духовной стороны и духовного смысла [происходящих] событий, потому что, возможно, этому уделяется слишком мало внимания; мы заботимся о военной, экономической, политической и других сторонах проблемы, но недостаточно — о моральном аспекте. Сегодня мы сделаем первую пробу [такой встречи].

То, с чем я выступлю сегодня, — это не полноценный доклад, а просто вступление к дискуссии, где я ограничусь постановкой нескольких вопросов. Я, конечно, буду говорить не о политической стороне этих вопросов, а прежде всего об их духовной стороне.

С 14 года XX века европейская история вступила в эпоху войн и революций, период кризиса всей цивилизации. Правда, и раньше, если не всегда, состояние равновесия в обществах, цивилизациях было весьма относительным. Человечество всегда живет на вулканической почве. Тем не менее какое-то время казалось, что мы можем жить мирно. События, происходящие в мире прямо сейчас, — это не просто политические и экономические события; это не просто конфликт наций и государств или кризис европейской цивилизации, но нечто гораздо более глубокое, относящееся к судьбам духа и духовной жизни человечества. Мы являемся свидетелями конца эпохи Просвещения и царства чистого разума¹, которое какое-то время мы считали господствующим. В историю вошли подсознательные и иррациональные силы. Было время, когда считалось, что эти подсознательные и иррациональные силы были повержены или, во всяком случае, внешне укрощены. В небольшой книжке «Новое Средневековье», которую я написал в 1923 году, я говорил, что история вошла в ночь, в ночную эпоху. Проводя аналогию со Средними веками, я имел в виду начало средневекового периода, то есть конец греко-римской цивилизации, варваризацию Европы, предшествовавшую средневековому Возрождению. Так что аналогия эта касалась не самого Возрождения. Но когда мы входим в темноту, когда нам приходится бродить во тьме парижских улиц, у нас должен быть маленький фонарик, свет, который исходит изнутри нас, а не снаружи, потому что снаружи весь свет погас. Это то, что происходит с нами и с духовной точки зрения.

¹ «La raison» переводится как 'разум' или 'рассудок' в зависимости от контекста.

Когда мы входим в ночь, нам нужен внутренний свет, потому что внешний свет ослабевает и исчезает. Внутренний свет становится незаменимым.

Я бы не сказал, что ночные эпохи — наименее важные эпохи в истории человечества. Да, они, конечно, сложны, но в определенном смысле ночью небо видно лучше, чем днем.

Таким образом, мы являемся свидетелями конца старого мира, того развития, которое восходит не к нашему времени. Это может длиться долго. Мы часто говорим о новом мире, который родится на месте умирающего. Говорят, что этот новый мир будет не чем иным, как коммунизмом или национал-социализмом. Лично я считаю, что это ошибка; ни коммунистический опыт, как он был представлен в России, ни национал-социалистический опыт, как он был представлен в Германии, не есть новый мир. Это судорожные движения, судороги разлагающегося мира, а не творческое начало чего-то нового. У нас есть тоталитарные диктатуры, но тоталитарная диктатура — это следствие внутренней анархии, в которую мир рискует погрузиться. Именно потому, что мир впал в эту внутреннюю анархию, когда нет больше единства ни в религиозной вере, ни во внешних формах, он приходит к режиму диктатуры, который включает в себя навязанную сверху идеологию. Именно правительство навязывает определенное мировоззрение, но это как раз и означает, что в мире действительно нет внутреннего единства. И в этом значительное отличие от Средневековья, потому что в Средние века существовало настоящее внутреннее единство, единство преобладавшей религиозной веры. В наше время такого уже нет.

Задача, которая встает перед нами, — и в этом вся трудность, — это задача построения философии истории. Философия истории сама по себе — дело довольно сомнительное с чисто философской и чисто научной точек зрения. Много было споров о самой возможности философии истории. Часто она полностью отрицалась (Дильтей). А почему? Потому что на самом деле мы сталкиваемся с большой трудностью, ведь философия истории хочет знать смысл истории. Но мы знаем только то, что было и чего уже нет; мы знаем только прошлое, мы не знаем будущего. А смысл истории можно было бы узнать, только если бы мы знали и понимали будущее. Только в будущем раскроется смысл истории.

Вот почему необходим пророческий элемент, но не в религиозном, а в философском смысле этого слова. Пророческий элемент есть не только в философии истории св. Августина, но и в философии истории Гегеля, к которой я испытываю выраженную неприязнь, хотя и признаю Гегеля выдающимся, ведь он очень хорошо знал смысл истории и то, что должно в будущем быть полно-

стью преодолено и осуществлено. У Сен-Симона, как и у Маркса, тоже есть этот элемент.

Что это значит? Это значит, что существует не только свет, исходящий из прошлого, но и свет, исходящий из будущего; такая формула парадоксальна, но ее признают все авторы философии истории, ибо только в этом свете можно познать смысл истории. Кроме того, когда мы говорим об элементах определенной эпохи с точки зрения философии истории, мы также предполагаем, что есть этот свет будущего.

В катастрофах, происходящих в мире, в борьбе, ареной которой он является, мы не можем противостоять этим катастрофам одним разумом, которому мы, кажется, часто доверяем. Вопрос глубже. В прошлом году, когда представители Франции и Англии встретились в Мюнхене с Гитлером, у меня сложилось сильное впечатление, что мы являемся свидетелями конфликта между роком² и чистым разумом. Представители Франции и Англии исходили из рассудочной точки зрения, а за Гитлером стояли темные силы рока. У рока тоже есть своя сила, хотя она всегда приносит трагические и катастрофические результаты. Из всех нынешних политиков во вселенной Гитлер — единственный, кто обращается к Богу, ужасному Богу — но все же обращается. Он единственный политик, который слушает внутренний голос, прежде чем принять решение. Что за голос он слышит? Это не голос Бога, это голос рока.

Это совершенно иной принцип, нежели божественный или человеческий. Это антибожественное и античеловеческое. И в этом реальный источник трагедии, происходящей в мире. Силам рока противопоставляются силы разума, которые намного уступают им. Чтобы победить, нужно обладать силой, превосходящей рок. Гитлер прислушивается к этому голосу рока и пробуждает фатальные силы в массах. То, что он говорит, отвечает тому, что происходит в массах. Германия возникла под знаком рока, судьбы. Надо сказать, кроме того, что в немецком сознании идея судьбы и рока всегда играла большую роль. Прочтите немецкие книги, изданные между двумя войнами, и вы увидите почти на каждой странице слово 'рок/судьба' (Schicksal). Вы не найдете его в английских или французских книгах. Ницше говорил про *amor fati*. Это в некотором смысле очень по-немецки, и это тоже очень важно. Всего две недели назад я получил немецкую книгу, автора которой знаю. Эта книга, искусно написанная, называется «Царство сыновей»³. Автор противопоставляет царство

² «La fatalité» в большинстве случаев переведено как 'рок' (следуя предпочтению Бердяева, наблюдаемому в других текстах), но иногда — по стилистической необходимости — как 'фатум' или 'судьба' (соответственно, 'роковой' и 'фатальный').

³ Книга „Das Reich der Söhne“ Ю. Шмидхаузера (Julius Schmidhauser).

сыновей царству отцов и матерей. Он пишет: «Мы солдаты судьбы». Автор не нацист, но именно на это ориентирован немецкий дух. Когда мы читаем книгу Раушнинга⁴, у нас возникает такое же впечатление. Несомненно, выпущены на свободу демонические силы, и европейские общества охвачены дохристианской демонологией, которую христианская религия в идее победила. Бороться с этой силой с помощью разума крайне трудно, особенно когда разум не в своем расцвете⁵. Я полагаю, неверно утверждать, что христианская религия отрицает существование рока. Христианство провозгласило победу над роком, если вы со Христом; но если вы посторонний Ему или против Него, вы можете оказаться во власти рока. Когда вы отказываетесь от человеческой свободы и человеческого достоинства, которое заключается в этой свободе, вы, безусловно, одержимы роком. Так произошло с Германией и Россией.

Перед нами стоит следующий вопрос: будет ли новый мир, будущее созданы только силами рока, что вполне возможно, — или в сотворении этого нового мира примут участие и человеческая свобода, человеческая совесть, человеческий разум? И когда я употребляю здесь слово «свобода», я понимаю его в глубоком смысле духовного начала, абсолютного в своей ценности, абсолютного по сравнению со случайными и относительными политическими формами.

В настоящее время люди соблазнены рабством. Это то, что Достоевский называл искушением Великого Инквизитора. Народы отказываются от свободы совести, мысли, суждения, а взамен получают хлеб (я использую это слово в символическом смысле). Они получают хлеб, отказываясь от свободы. А усиливается это искушение тем, что в старом мире, который провозгласил себя свободным, свобода часто была ложной и часто была лишь привилегией определенных классов; она часто была формальной и не реальной. Искушение продлится до тех пор, пока этот тревожный вопрос о хлебе — хлебе в символическом смысле — не будет решен. Другими словами, до тех пор, пока социальный вопрос в мире не будет решен со свободой, а не против свободы и без свободы⁶. И под этим решением я не подразумеваю ничего абсолютного. Это, конечно, относительно, потому что есть и другие вопросы, которые возникнут

⁴ Наиболее вероятно, что речь идет о французском (первом) издании книги Г. Раушнинга «Hitler m'a dit: confidences du Führer sur son plan de conquête du monde» (1939), содержащей якобы беседы Раушнинга с Гитлером; однако подлинность и документальная точность этих «бесед» опровергнута исследователями.

⁵ «Il est très difficile de lutter contre cette force par la raison et par une raison qui n'est pas dans une période de floraison» — во французском оригинале есть игра слов: созвучие «raison — floraison» — 'разум/рассудок — цветение (расцвет)'.
⁶ Подчеркивание предлогов — в оригинальном тексте.

впоследствии. Но это проблема нашего времени, и она должна быть решена, в противном случае именно фатальные силы будут стремиться решить ее, и они уже это делают.

Я считаю, что в определенном смысле социальный вопрос глубже, чем национальный. Потому что социальный вопрос — это вопрос отношений между людьми, отношений с ближним. Войны, которые происходят и еще произойдут в мире, больше не будут только войнами народов, но они будут социальными войнами — как и в той войне, свидетелями которой мы являемся, уже присутствует социальный акцент. В Германии, безусловно, существует значительная опасность большевизации, и эта опасность грозит всей Европе. С этой опасностью нельзя бороться только негативными средствами. Нужно бороться, используя ту самую силу созидания и осуществления правды коммунизма, но именно при осознании этой правды. Потому что только осознавая правду коммунизма, вы можете бороться с ним. Кроме того, — я часто писал по этому поводу, — в коммунизме поставлена реальная проблема, как и в каждой ереси была правда, и был задан вопрос, на который необходимо ответить, проблема, которую мы недостаточно ясно поставили. Но в коммунизме, как и в любой ереси, проблема всегда ужасно преувеличена и смешивается с ложью. Мы должны ответить на вопрос, заданный коммунизмом. Нельзя реагировать только преследованиями, это может принести обратные результаты. Нужно дать положительный ответ⁷.

Тоталитарные режимы пытаются преодолеть кризис и ответить на социальный вопрос. Но они делают это, уничтожая свободу духа, отрицая духовные ценности, преследуя религию, мысль, свободу интеллектуальных и нравственных суждений. Они хотят подчинить всю жизнь, полноту жизни тиранической власти, жизнь вплоть до самых глубин человеческой души. Они хотят обладать человеческими душами.

Почему тоталитаризм захватывает молодежь? Потому что тоталитаризм отвечает религиозной потребности человеческой души. Даже материалистический коммунизм отвечает религиозной потребности человеческой души и соблазняемой им молодежи.

И вот что губительно в современном мире: христианство по своей сути тоталитарно и должно быть тоталитарным. Но в сегодняшнем мире оно стало частичным. Оно теснится в довольно темном уголке человеческой души,

⁷ Далее пропущен один лист. Можно предположить по динамике выступления и дискуссии, что на л. 9 речь шла преимущественно о тоталитаризме, фашизме, национал-социализме, коммунизме.

а силы, частичные по своей сути, стали тоталитарными — государство, организация экономической жизни, техника, война, которая тоже стала тоталитарной. Но глубокая истина в том, что только человек тоталитарен и должен быть тоталитарным, ни государство, ни общество, ни что-либо вне человека не может быть тоталитарным. Все ценности полностью перевернуты, потому что материи отдан примат над духом.

Есть еще одна пагубная вещь: преобразование мира происходит в эпоху господства техники и машины, господства страшного. И происходит это в то же время, когда религиозные и духовные верования человеческих масс чрезмерно ослаблены. Именно в этой атмосфере происходит преобразование мира. Это не может не иметь катастрофических последствий. Даже современные христиане гораздо больше верят в материальную силу, чем в силу духовную. Но в той борьбе, которая разворачивается в мире, одной материальной мобилизации недостаточно — она всегда необходима, но бороться только материальным оружием мы тоже не можем. То, что сейчас происходит в человеческом обществе, — это испытание духовных сил. Духовная культура в страшной опасности. Кто-то считает, что есть риск полного ее уничтожения и утраты. Не навсегда, конечно. Греко-римская цивилизация была разрушена, но был Ренессанс. Угроза, нависшая над нашей цивилизацией, не менее велика; цивилизацию нельзя сохранить, только оглядываясь на прошлое. Мы также должны смотреть в будущее. Я бы сказал, что нужны лаборатории духовной культуры, которую можно сохранить даже в темную ночь, как ее сохраняли в Средние века монахи и монастыри.

Когда я размышляю о нынешней войне, я вовсе не думаю о возможности поражения союзников. Но я думаю, что, если война продлится слишком долго, со всех сторон может начаться распад европейских обществ. И тогда этим разложением, как всегда, воспользуется грубая и тираническая сила. Поэтому я верю, что только сильное и энергичное духовное движение может отразить угрозу; но это духовное движение должно быть связано с общественным движением. Потому что духовное движение не может быть отделено от движения общественного.

В чем задача настоящего момента? Прежде всего — в изменении сознания, революции сознания. Часто самые жестокие революции, которые знала история, лишь меняли одежду человечества, они не сопровождались настоящей революцией сознания. Где должна произойти эта революция? Прежде всего — в иерархии ценностей. Нужно признать, что высшей ценностью является не государство, не общество, не цивилизация, не культура, а конкретный человек, ближний, как говорит Евангелие. Если мы хотим попытаться создать но-

вый мир, где в центре творения будет идея ближнего, мы должны поместить туда не человечество, а ближнего, конкретного человека и отношения с конкретным человеком. Человечество вошло в мир абстракций. Мы можем долго жить в абстракциях, считая их самыми значимыми вещами. Это заблуждение сознания, которое живет в представлении, что абстракции — это не только истинные реальности, но и наиважнейшие реальности.

В то же время это изменение сознания означает, что страшное зло воли к власти может быть преодолено. Мир может быть разрушен волей к власти, которая становится богом. Речь идет не только о победе над германским империализмом, но о победе над всяким империализмом. И вот идея, которая часто приходила мне в голову, когда я думал о германском империализме. Он трагичен, потому что запоздал. Он слишком поздно вошел в историю Европы. Он вошел слишком поздно, потому что почти весь мир был уже захвачен другими империализмами. Следовательно, Германия может осуществить свой империализм только посредством ужасных преступлений и насилия. И это единственный империализм, который еще может существовать в мире, то есть империализм насилия и преступности. Других империализмов быть уже не может. Английский империализм относится к прошлому. Он действовал, не совершая таких преступлений.

И теперь речь идет о том, чтобы противопоставить воле германского империализма к власти всеобщее отрицание империалистической воли. В нашем мире, безусловно, рождается много христианских движений, но они недостаточно сильны, если сравнивать их с антихристианскими движениями. Мы видим две великие страны, которые стали очагами антихристианского движения. Это очень большая часть мира, и если эти две страны объединятся, это будет ужасно, потому что с величием одной страны и с немецкой дисциплиной и техникой, немецкой организацией это станет очень большой угрозой — и не только для остального мира, но и для самой России, потому что это в конечном итоге приведет к колонизации России Германией.

Почему христианские силы недостаточно сильны? Создается впечатление, что христианство находится в своего рода интермедии. Как это объяснить? Иногда кажется, что наш мир переходит из эпохи чисто человеческой истории в эпоху истории демонов. Когда читаешь книгу Раушнинга, складывается впечатление, что в ней — воплощение демона. Это выходит за рамки чисто человеческих явлений. В чем же причина того, что христианство недостаточно сильно для борьбы с этим демоном? В том, что оно было слишком приспособлено к старой истории, к реальности, отличной от той, что предстает перед нами сейчас. Христиане сбиты с толку, потому что у них нет контакта с этой

новой реальностью. Старые способы больше не действуют. Нужно что-то новое. Историческое христианство, приспособленное к старой истории, не имеет достаточно сил для борьбы с новыми демоническими силами, потому что мы видим то, чего никогда не видели, — большие государства одержимы демонами. У нас иногда создается впечатление, что христианство находится между двумя эпохами. Оно находится в периоде, когда свет, который должен исходить из будущего, еще недостаточно силен. Но христианство, которое войдет в новый период, когда свет будущего будет сильнее, есть христианство эсхатологическое, потому что оно относится к свету, который придет из будущего. Это очищение от всех грехов прошлого, и в то же время это взгляд в будущее, которое зависит от человека. Эсхатологическое христианство я понимаю не как пассивное христианство, когда человек уже совсем не активен и ждет того, что произойдет через сверхчеловеческие силы. Я считаю, наоборот, что это самый активный, самый творческий период, обращенный в будущее.

Человек вполне человек, только если он превосходит самого себя, если он трансцендирует к трансцендентному. Но было бы очень большой ошибкой полагать, что трансцендентное полностью отделено пропастью от нашей человеческой жизни. Трансцендентное также действует в нашем мире и может его трансформировать. Эсхатологическое сознание в христианстве должно соответствовать более сильному действию трансцендентного, чем это было в прошлом.

Прошу прощения за то, что заговорил в конце об ужасно сложном вопросе, который следовало бы развить. Это могло бы стать темой целого доклада. Но чтобы было понятно, что я хотел сказать по поводу духовного смысла событий и роли христианства, мне пришлось это проговорить.

Г-н Шлюмберже (председатель): Я полагаю, что выражу общее мнение, если поблагодарю г-на Бердяева за этот обзор, настолько полный, что хотелось бы рассмотреть каждый тезис по очереди и последовательно поговорить о каждом. Со своей стороны, я очень хотел бы услышать, как Вы говорите об эсхатологическом христианстве. Надеюсь, Вы в любом случае это сделаете.

Г-н Габриэль Марсель: Хочу сказать, что в целом я очень симпатизирую образу мыслей г-на Бердяева. Тем не менее у меня есть три или четыре вопроса, которые я хотел бы задать ему, и первый из них — вопрос-возражение. Интересно, не слишком ли Вы соглашаетесь с Гитлером, когда говорите, что в Мюнхене противостояли рок и разум. Интересно — и это очень важный вопрос, — не заинтересованы ли сами гитлеровцы в том, чтобы мы ставили вопрос таким образом. Интересно, не является ли рок некой маской, в которую облачает себя воля к власти? Это нечто в духе поэтов или, может быть, в какой-то степени фило-

софов. Добавлю, что у нас нет оснований говорить, что Даладье или Чемберлен воплощали разум. Можно было бы также возразить, что и здесь была воля, прикрытая маской разума и призванная охранять завоеванные позиции. Поэтому при такой постановке вопроса мы рискуем обмануться видимостями, которые используют в качестве прикрытия две воли к власти: одна стремится к установлению порядка или нового беспорядка, другая — к сохранению порядка или старого беспорядка. Перейду к более общему вопросу. Интересно, возможно ли, чтобы люди, так вовлеченные в этот конфликт, как мы, интерпретировали его в смысле философии истории. Я полагаю, что философия истории подразумевает трансцендентность по отношению к конфликту, которой, возможно, нам сильно недостает. Мы целиком и полностью ангажированы, и я не знаю, сможем ли мы утвердиться на философской платформе, с которой можно судить о конфликте. Мы не можем судить: мы слишком вынуждены судить, чтобы быть в состоянии судить. Мне кажется, что здесь есть очень большая трудность.

Вы сказали: большой вопрос, будет ли новый мир создан роком или в нем будет божественное или человеческое начало. Опять же, Вы слишком созвучны Гитлеру; о новом мире не может быть и речи. Здесь я выскажусь определенно. Мне кажется, вопрос в том, будет ли у мира возможность дальше развиваться или же мы увидим откровенный регресс к чему-то, что должно было существовать в менее совершенной, но идентичной его форме. Я ни на секунду не верю, что происходящее — это установление *нового* мира. Понятие какого-либо мира здесь абсолютно исключено.

Насчет того, что Вы сказали о роли социального вопроса и коммунизма, я тоже весьма колеблюсь — мне кажется, что сейчас все так смешалось, все так запуталось, так отвратительно употреблены слова вопреки их истинному смыслу, что я не знаю, можно ли говорить о социальной проблеме — если только не называть так конфликт между имущими нациями и пролетарскими нациями. Но нужно еще выяснить, что значит «пролетарская нация». Речь здесь идет о стране, которая сама себя пролетаризировала. Мы в невообразимом замешательстве. С одной стороны, очевидно, можно повторить вслед за немцами и русскими: есть капиталистические нации, имущие, богатые, сытые, а есть молодые нации, просящие свое место под солнцем. Но этим всем уже никого нельзя одурачить, тем более что у Германии примерно в 1930 году были все возможности восстановить экономическую жизнь, которые систематически и намеренно отвергались. Мы никогда не видели, чтобы страна так преднамеренно разрушала себя. Я не говорю, что социального вопроса нет, но в чем он? Мы говорим — и я верю, что это правда, — что мы и англичане лицеу творим свободу. Я считаю, что это верно, но нуждается в разъяснении. Можно

сказать, что мы являемся представителями консервативного принципа, ведь на самом деле инициатива оказывается на стороне тех, кого мы считаем врагами свободы. Мы олицетворяем свободу, а на пути ведения войны мы сведены к пассивности.

Прежде всего, такой вопрос. Вы говорите: тоталитаризм удовлетворяет молодежь, потому что отвечает религиозной потребности. Интересно, насколько это правда. Интересно, не слишком ли это оптимистичный взгляд на природу такого удовлетворения? Я знаю одну очевидную иллюстрацию того, о чем Вы говорите. Вспоминаю о молодом немецком летчике, который был смертельно ранен. Его самолет упал на французскую землю, и его лечили во французском госпитале. Мы увидели, что он растерян, и спросили его, что мы можем для него сделать. Молодой летчик сказал: только одно может сделать меня счастливым, но вы не можете мне этого дать — снова увидеть моего фюрера. Это единственный религиозный элемент, который можно обнаружить в нынешней молодежи. Вкус к насилию и разрушению занимает огромное место, и я не знаю, связано ли это с религиозным элементом.

Последний и самый важный вопрос относится к заключительному пункту Вашего доклада. Вы сказали — и правильно, — что если война продолжится, возникает риск полного распада европейских обществ. Следовательно, существует потребность в духовном обновлении, которое не должно быть отделено от обновления самой социальной реальности. И каков должен быть принцип этого обновления? Это своего рода установление новой иерархии ценностей, ставящей высшей ценностью конкретного человека, то есть ближнего. Это тот пункт, в котором я согласен с Вами и который меня чрезвычайно занимает. С одной стороны, я также считаю, что понятие ближнего должно быть фундаментальным понятием. Но что меня беспокоит, так это мысль о том, что мы, возможно, имеем в виду такое социальное обновление, которое привело бы к установлению царства нашего нынешнего ближнего. В этом есть риск *аполитичной политики*, и я задаюсь вопросом, не грозит ли это *in concreto* катастрофой, которая приведет к победе наших врагов и сокрушит нашу силу. В этом я чувствую себя неуязвимым реалистом. Я считаю, что, к сожалению, в той ужасной ситуации, в которой мы оказались, в которую забросил нас ряд ошибок, мы обязаны мыслить конкретно. Какие есть способы победить? Я считаю, что один из них — поддержание боевого духа. Но не рискуем ли мы ослабить его, стремясь к отстаиваемой Вами в военное время евангелизации?

Г-н Шлюмберже: Видите ли Вы возможность восстановления Запада актуальной уже сейчас или это просто отдаленная перспектива — на то время, когда у нас будет свобода действий после окончания войны?

Г-н Валь: То, что сказал Габриэль Марсель, чрезвычайно важно. Я бы сказал то же самое, и все же наши точки зрения очень противоположны. Я бы сказал то же самое, т. е. что Гитлеру и Сталину воздают слишком много чести, считая их носителями рока; они сами могут считать, что ведомы ужасным роком, видя, как Англия пытается подавить их. Мне кажется, что это несколько совпадает с тем, что Вы сказали только что. Сказать, что они опоздали воспользоваться теми же средствами, что и другие, — значит дать им слишком много прав. Мы должны помнить притчу о работнике, который приходит в одиннадцатом часу⁸. И еще, эта любовь к ближнему — я не знаю, можно ли слишком на нее полагаться. Очевидно, что поскольку она уже давно провозглашена, все должно уже было устроиться наилучшим образом. Но мы не должны слишком полагаться на любовь к ближнему. И не ясно, относится ли это к послевоенному или военному времени. Я согласен с Вами, что нужно что-то делать для ближнего и для рабочих. Но возможно ли это сейчас? Я бы согласился с Вами по поводу эрзац-религиозного характера, присущего гитлеризму. Но и это зависит от того, какое у нас видение христианства: живем ли мы в постхристианскую эру, первые формы которой возникают перед нами, и боремся за нее, или же желаем победы христианства?

Г-н Рене Жильонен: Должен сказать, что я гораздо менее близок к тем, кто только что говорил, за исключением последнего пункта. Но по самой возможности вопроса меня чрезвычайно поразила мысль господина Бердяева, с которой, впрочем, я и так был знаком. Начнем с первого пункта, эта идея рока напомнила мне фразу Мишле, который сказал: «...век достаточно богатый, сильный и обширный, но он тяготеет к року». Это еще более верно в отношении XX века. Но, думаю, мы можем различить два вида рока, и разум Чемберлена и Даладье был не менее роковым, чем гитлеровский мрак. Это своего рода обязательство, от которого вы не можете отказаться. Первое — это статический рок, а второе — динамический рок, если использовать два модных словечка. В вопросе о том, что представляет собой Гитлер, я согласен с Бердяевым в мнении, что Гитлер — не только *воплощение* иррациональных и бессознательных сил, как бы это ни объяснялось — демоном, демонолатрией либо как-то еще, — для меня очевидно, что Гитлер таков *в сущности*. И он до такой степени воплощает эти силы, что ни одному французу это не под силу понять. Самое поразительное, что есть Гитлер-человек и Гитлер-фюрер. Гитлер-человек — посредственное, вульгарное существо, а Гитлер-фюрер — это то магическое существо, со встреч с которым Шахт, по его собственному свидетельству,

⁸ Мф. 20:1–16.

никогда не уходил без чувства утешения. В речи, произнесенной в 1938 году во Дворце спорта, Гитлер впервые выступил против Англии. Он всегда боялся Англии, но он человек, который подчиняется своему демону. И от воодушевления, которое он почувствовал в толпе, он мог бы объявить Англии войну. Но Гитлер-человек боялся. И впервые мы увидели, как он остановился. Я считаю, что это лучшее свидетельство противостояния между этими двумя существами. Он — если описать словами, которые немцы между войнами очень любили, — магический человек. Это выражение и есть навязчивая идея современного немецкого духа. Единственный немец, которого Гитлер признает своим предшественником, — это Вагнер. И есть нечто аналогичное между тем состоянием, в которое погружает публику Гитлер, и тем, какое влияние имеет музыка Вагнера. Разница в том, что Вагнер черпал свое вдохновение из достаточно глубокого источника и воздействовал на весь мир, а Гитлер влиял только на немецкую толпу. В Гитлере есть и мифическая сила. Это две вещи, которые нужно различать. Он владеет мифом, но мистическим образом.

Есть второй вопрос: это ценность той мистики, которая есть мистика масс. Вы часто показывали в своих книгах, что в современную эпоху массы прерывают течение истории (о причинах этого явления сейчас говорить не будем). Франция сделала все, чтобы ликвидировать последствия принципа, который она впустила в мир. Вы больше не можете управлять массами через элиты, чья обязанность — думать. Германия и Россия произвели элиту масс. Она чрезвычайно близка к массам, гораздо ближе, чем реальная элита, остатки которой сохранились у нас. И парадоксально сосредоточивать всю нашу апологетику на слове «демократия», когда мы живем тем, что сохраняем аристократизм. Возвращаясь к господству масс, мы можем сказать, что мистика масс неизбежно регрессивна. От нее нечего ожидать; Вы не сказали, что мы являемся свидетелями рождения нового мира, но сказали, что коммунизм и национал-социализм — это судороги старого режима. Они навязаны Европе, которая потеряла всякое доверие ко всем духовным и светским авторитетам. Современный человек — без хозяина, в нем больше нет единства. Нависает угроза всеобщей диктатуры. Только в странах, где есть действительно моральные ценности, можно обойтись без диктатуры. Власть Гитлера завершила разрушение в Германии этого порядка идей. Это часто говорили о Французской революции. Гитлер сделал то же самое. Он уничтожил профсоюзы; в них был союзный дух, значительные ресурсы. Он уничтожил их; теперь есть только распыленная масса, которую он объединяет с помощью мистической идеи — но это может быть только мистикой регресса. Я думаю о Муссолини, который сказал в 1934 году: может быть, нам удастся повторить человеческий синтез,

но на гораздо более низком уровне. Итак, это будущее вряд ли вселит в нас уверенность. Мистическая уверенность остается, и мы единодушно попросим Вас о втором докладе, где бы Вы представили Вашу точку зрения.

Г-н Вышеславцев: Буду очень краток, я выскажусь по поводу той мысли, что немцам нравится слово «магический». Несмотря на это, я должен сказать, они никогда не понимали, что такое магия. Г-н Леви-Брюль говорит о магическом участии, охватившем Гитлера. Но это не что иное, как впадение в первобытный атавизм. Это ужасная регрессия психики и духа. А что касается динамизма, я думаю, нам еще предстоит создать антропологию, соответствующую современной психологии. Как трактовать с религиозной точки зрения это состояние «одержимости», о котором Достоевский говорит в «Бесах»? Достоевский говорит, что бесы брошены в стадо свиней. Это описание идентично в современной психологии и в Евангелии. Одержимые — скорее недочеловеки. А Гитлер отождествляется с подсознанием народа, что дает ему ощущение всемогущества, непогрешимости. Я думаю, что то, что г-н Бердяев называет роком, есть одержимость силами рока, когда человеком овладевают внутренние силы, силы, которыми разум вообще не может управлять или которыми может руководить совершенно новый разум, новыми методами, известными каждому демагогу.

Г-н Марсель: Думаю, в том, что Вы сказали об одержимости, есть что-то совершенно верное. Но при всей важности этого элемента в сговоре магизма и макиавеллизма есть нечто глубокое. Есть что-то, что должно остановить нас, что должно остановить наш дух; одно из них средство для другого. Но что из них средство? Чтобы анализировать событие, которое перед нами, мы должны ввести эти два элемента.

Г-н Г.: Иногда он хитрый крестьянин, иногда искуснейший дипломат.

Г-н Валь: Вы так думаете о Гитлере? Он ужасный рационалист. Но я думаю, что верно и то, и другое. Это магия, но он использует ее рационально и логично.

Г-н Бердяев: Это как сумасшедшие, которые иногда бывают очень хитрыми.

Г-н Федотов: Я хотел бы получить некоторые пояснения по самому первому пункту доклада. Вы начали с того, что сказали, что век разума закончился; начинается темная ночь, а воплощением этой ночи являются тоталитарные режимы. Но Вы сказали при этом, что ночь не всегда зла; она глубинна. Итак, в новом порядке, в Вашем видении нового мира, какую роль Вы отводите разуму?

Г-н Шлюмберже: Я хотел бы высказать несколько мыслей о значении ближнего. Действительно, Франция — это страна, где чувство ближнего — са-

мое слабое из всех западных цивилизаций. Здесь есть явление индивидуализма, которое привело к особой сухости. Но настолько ли серьезно это отсутствие коллективного чувства, чтобы требовались катастрофические меры? Или это не то человеческое явление, которое можно вылечить только некоторым сглаживанием [противоречий]? Мне все же кажется, что от этой сегодняшней проблемы мы не можем полностью отделить другие западные державы и Америку. Думаю, что эта проблема нехватки чувства ближнего гораздо менее остра в Америке, где значительно более непосредственный и легкий контакт с людьми. Вообще говоря, я все еще питаю некоторое недоверие к апокалиптическим взглядам на историю. Я вижу, к чему приводит это вступление в ночь, но я позволю себе спросить: может быть, это часть иллюзии, ведь нам доступно еще не так уж много наблюдений? Прошло всего 20–25 лет. Я не верю в то, что любое бедствие является лекарством. До тех пор, пока стихийные бедствия не стерли все с лица земли против нашей воли, я считаю, что еще есть способ внести коррективы, что стоит работать с элементами, которые у нас есть, как с химическими или органическими элементами. Вполне вероятно, что это праздный вопрос, что в итоге произойдет синтез того и другого.

Г-н Бердяев: Я не обещаю ответить на все вопросы. Несколько раз было сказано, что я слишком чту Гитлера. Я не думаю, что это честь; в этом нет ничего положительного. Это не только романтизм, религия, созданная роком. Я согласен с тем, что было сказано об отношениях Гитлера и масс. Это особый вопрос. Я не верю, что это непобедимая сила. Однажды Гитлер может чрезвычайно ослабеть; он лишится человеческой силы. Но сейчас он производит впечатление на массы. Он также может произвести впечатление на другие страны. Есть еще один вопрос, более важный — то, что я сказал, относится к войне или к послевоенному периоду? Я не так ставлю вопрос. Я понимаю, что смысл войны — это плохое выражение. Война не имеет смысла. В ней нет другого смысла, кроме победы. Когда я говорю о смысле войны, я говорю обо всем происходящем движении. Мы говорим, что после войны должен быть создан новый мир, но не война создаст его.

Война ничего не создает. Но я не могу не видеть следующего: эта война — только один акт большой драмы. Есть и другие акты, кроме войны, и вопрос о них сегодня можно ставить. Говорят, что, как только закончится война, встанет духовный вопрос. Это неправильно. Духовная жизнь существует и сегодня, так что вопрос этот возникает всегда. Он не может перестать возникать из-за войны. Я полностью не согласен с Габриэлем Марселем в одном пункте. Можно подумать, что Евангелие может быть вредным в известное время, когда мы

на войне, что в этом случае мы вообще не должны говорить о Евангелии. Одно из двух: Евангелие — или абсолютная истина, или относительная истина. Часто говорят, что Евангелие — очень сомнительная книга (Моррас). Но мы не можем ставить себя на эту почву.

Что касается ближнего, я придерживаюсь персоналистской точки зрения. Я не проповедовал любовь к ближнему. Я даже не использовал это выражение. Персоналистская точка зрения заключается в том, что высшей ценностью является ценность человеческой личности. Человек есть ценность бóльшая, чем все общие ценности. Применимо ли это сегодня? Сдвиг в сознании не происходит в одночасье. Но об этом сегодня нужно говорить. Это противоположно индивидуализму. Персонализм предполагает духовную общность⁹ людей. Я согласен с Габриэлем Марселем в том, что рок — это маска воли к власти, но воля к власти — это рок. Воля к власти — это рок.

Информация о публикаторе: Анна Федоровна Макарова — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the publisher: Anna F. Makarova — PhD in Philosophy, Research fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 01.08.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.

⁹ Здесь Бердяев использует слово «la communion», переведенное как ‘духовная общность’; также можно описать «la communion» как сопричастность, но Бердяев иногда писал в русских текстах прямо — «коммунион», объясняя этот термин именно как духовную общность, взаимоприобщенность людей.